

Если в ту ночь Гу Чэнъань и был возбуждён, то в целом всё же вёл себя довольно нежно. Он и сам старался обращаться с тем как можно мягче, и даже когда желание перехлёстывало, сдерживал себя. Но какой бы выдержкой ни обладал человек, её всегда можно исчерпать, если второй слишком уж шалит.

Первые пару дней Лу Юси и вправду было непривычно — и от поцелуев, и от интимных прикосновений он слегка нервничал и был скорее пассивен. Но в конце концов он был способным учеником, и меньше чем за неделю не только привык, но и сам стал жаждать большей близости.

Например, когда Чэнъань его целовал, он научился обнимать его в ответ или касаться его кожи, ощущая то волнующее тепло. Вот только Юси был тем ещё проказником: он обожал трогать мышцы на животе Чэнъаня, а иногда даже слегка дразнил.

А Чэнъань, у которого область живота была особо чувствительной, так от этих ласк несколько раз просто терял дар речи. Он пытался остановить Юси, но тот не только не слушался, а, наоборот, входил во вкус. В конце концов Чэнъаню ничего не оставалось, как каждый раз хватать и прижимать его, чтобы утихомирить.

Эх, быть subtilным — сплошное невезение, не мог не подумать Юси.

Когда его отпустили, запястья уже слегка ныли. Прислонившись к двери, он тяжело дышал, лицо пылало. Через мгновение он слегка облизнул губы, словно смакуя воспоминания.

Увидев эту картину, Чэнъань не удержался, снова наклонился и нежно поцеловал его в щёку, и только тогда окончательно отпустил.

Пужинав, Юси быстро помылся, устроился на диване, грызя зимние финики, и принялся листать лежащий на коленях дневной конспект.

Когда Чэнъань вышел из ванной, он увидел, что тот даже не вытер волосы, а просто накинул полотенце на шею. В душе он вздохнул и, повернувшись, сходил за феном.

Только когда в затылок ударила струя горячего воздуха, сопровождаемая шумом, погружённый в чтение Юси очнулся. Он слегка запрокинул голову, чтобы взглянуть на того, кто сзади аккуратно сушил ему волосы, и улыбнулся. Потом снова углубился в записи.

Конспект был составлен чрезвычайно подробно: не только ключевые моменты из учебника и лекции учителя, но и собственные выводы и пометки Чэнъаня. Глядя на эту стройно выстроенную структуру, Юси отчасти понял, почему даже переведённый из другого класса ученик сдавал экзамены лучше него. В умении систематизировать и обобщать тот его определённо превосходил.

Он взял финик, надкусил его, и тут поток воздуха внезапно прекратился. Чья-то рука взяла его за запястье, приподняла, и кончики пальцев коснулись чего-то мягкого — это Чэнъань забрал оставшуюся половину финика своими губами.

Когда тот, убрав вещи, ушёл обратно в ванную, Юси вдруг смутился и провёл рукой по уже высохшим волосам. Хотя они целовались уже много раз, каждое новое проявление близости по-прежнему заставляло его краснеть.

Юси не мог сдержать улыбку, сунул в рот ещё пару фиников и, хрустя, побежал в спальню.

Поскольку наступила зима, температура сильно упала. Изначально у Гу Чэнъяня не было привычки читать под одеялом, но в последнее время, под влиянием Лу Юси, он тоже стал раньше забираться в постель.

Сначала он вышел на балкон выкурить сигарету, подождал, пока запах немного выветрится, и только потом вернулся в комнату.

Тот, кто уже устроился в постели, закутался в одеяло с головой, лёг лицом вниз и продолжал перелистывать конспект. Едва Чэнъянь сел на кровать, как из-под одеяла донёлся лёгкий вздох.

Он посмотрел на него и спросил:

— Что такое?

На самом деле Юси просто дрогнул от холода, что валом повалил от того, но следом за холодом накатил лёгкий табачный запах — и он понял, что, кажется, этот запах ему нравится.

Он невольно приподнялся и сам потянулся к губам Чэнъяня, словно пытаюсь распробовать этот вкус. Но когда тот, опомнившись, попытался прижать его к себе, Юси почувствовал, как тот весь холодный, и не удержался:

— Холодно.

Чэнъянь на миг замер, потом улыбнулся и слегка отстранился.

— Кстати, когда ты начал курить? — спросил Юси.

Сидящий на кровати на секунду задумался:

— После окончания средней школы.

— А почему? — Юси вспомнил тогдашние слова Чэн Чао и невольно спросил.

— Что, хочешь узнать? — улыбнулся Чэнъянь в ответ, но не стал скрывать, наклонившись к нему:

— Тогда не сложились отношения с семьёй, настроение было паршивое, вот и стал баловаться, а потом вошло в привычку, и до сих пор не могу бросить.

«Так вот как», — кивнул Юси и снова уткнулся в конспект. Но не прочитал и двух строк, как услышал:

— Не нравится запах? Могу бросить.

Он поднял голову и посмотрел на того, кто сидел с лёгкой улыбкой и тёплым взглядом. И вместо задуманного «Не против» с губ сорвалась шутка:

— Бросишь?

Тот тут же наклонился, прижав его, и, целуя в нижнюю губу, с улыбкой ответил:

— Ладно.

Юси вдруг почувствовал, что начинает становиться немного жадным. Казалось бы, эту истину

уже многократно подтверждали, но ему всё равно хотелось лишний раз самому в ней убедиться.

Он ответил на поцелуй, пока тело Чэнъаня тоже не согрелось.

Студенческие дни — это бесконечное повторение уроков, решения задач, экзаменов и каникул.

Видимо, учтя прошлый опыт, когда экзамены вышли слишком сложными, на этот раз, чтобы все могли спокойно встретить Новый год, общий уровень сложности итоговых экзаменов снизили не на одну ступень.

Чжан Вэньсюй, который обычно после экзаменов походил на пожухлую траву, на этот раз, едва выйдя из аудитории, тут же набрал Цюцю, чтобы договориться встретиться ещё несколько раз перед её отъездом.

Зимние каникулы начинались за день до Малого Нового года и длились до Праздника фонарей — времени было немало. Но большинство закусовых, где старшеклассники могли подрабатывать, на праздники закрывались, и Лу Юси не знал, чем заняться на каникулах.

Последний урок перед каникулами закончился напутственной речью классного руководителя. Всю дорогу домой Юси шёл задумчивый и молчаливый.

Когда они остановились у двери и Чэнъань собрался открывать, он дёрнул его за полу куртки, поднял голову и спросил:

— Когда ты к родителям едешь?

Чэнъань тут же замер, подумал и сказал:

— Двадцать восьмого числа по лунному календарю. А что?

Выходило, оставалось всего несколько дней. Юси опустил ресницы, слегка поджал губы, подумал и всё же сказал только: «Ничего», — а потом стал ждать, когда тот откроет дверь.

Но прошло какое-то время, а щелчка замка так и не раздалось.

Удивлённый, он поднял голову и увидел, как тот стоит с улыбкой на губах, вдруг достаёт из кармана что-то серебристое и протягивает ему.

— Если тебе так не хочется со мной расставаться, — спросил он, — может, переедешь ко мне жить?

Юси протянул руку, но в конце концов не взял. Не потому, что не хотел, а потому, что ещё не решил.

Он был бы очень рад, если бы мог просто жить вместе с Чэнъанем, но почему-то одна мысль о том, чтобы провести эти праздничные дни в одиночестве здесь, вызвала в нём сильное сопротивление.

Чэнъань, видя его затруднительное положение, в конце концов просто усмехнулся, не придав этому значения, взял его руку, положил в неё ключ и сжал ладонь.

— Подержи пока, — сказал он. — Если совсем не захочешь переезжать, всегда успеешь вернуть.

Раз уж он так сказал, оставалось только принять.

Но из-за этого случая атмосфера всё же стала слегка неловкой. Даже вечером, когда они оба уже лежали в постели, Юси был какой-то безрадостный. Он чувствовал, что сегодняшний его поступок, наверное, сильно ранил Чэнъяня, но и сопротивление против того, чтобы остаться одному в чужом доме, никак не проходило.

Он уткнулся лицом в подушку, не желая ничего видеть и ни о чём думать.

Эта его поза страуса в конце концов рассмешила Чэнъяня.

Чэнъянь в общих чертах понимал, из-за чего Лу Юси вдруг приуныл, но всё же не мог до конца взять в толк, в чём же именно дело.

Но вот это вжаться головой в подушку было уж слишком мило, и он не удержался, чтобы не подразнить.

Он накрыл его собой и, кусая за ухо, прошептал:

— Лу Юси, что с тобой?

Но лежащий внизу по-прежнему не отвечал, так и зарывшись лицом в подушку.

<http://bllate.org/book/16262/1463531>